

online-best

ЕВА СЕВЕР

ТРАССА

НОЛЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С28

Серия «Online-best»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Север, Ева
С28 Трасса Ноль / Ева Север.— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 508, [2] с. (online-best).

ISBN 978-5-17-111579-1

«Трасса Ноль» — это исповедь представителей потерянного поколения.

Как жить в реальности, где не нашел себе применения?

Мы уходим в творчество или зависимости, становимся адренилиновыми наркоманами, ищем спасения в случайных связях. Мы играем в Питеров Пэнов и тайком сбегает в собственную вымышленную страну.

Ескаре-план есть у каждого.

Но что, если Питер Пэн однажды устанет бежать? И что случается с Нетландией, когда ее обитатели решают повзрослеть?

Подписано в печать 18.09.2018.

Формат 60 x 90 ¹/₃₁₆. Усл. печ. л. 26,88.

Печать офсетная. Бумага газетная.

Гарнитура Petersburg.

Тираж экз. Заказ № .

Изготовлено в октябре 2018 г.

Произведено в Российской Федерации
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008)

58.11.1 — книги, брошюры

ТР ТС 007/2011

© Ева Север, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Моему другу, который говорил: «Не ебаться».
Моему другу, который верил, что одиночества нет.
Моему другу, который однажды отказался взрослеть.
Всем, у кого есть escape-план

Глава 1

ДЕНЬ, КОГДА НЕ ПРИШЛО ЛЕТО

Яна

Ночью умерла кошка.

Яна не поняла, в какой момент это произошло. В последнее время вообще все ночи для нее слились в единый кошмар с вечно-серыми сумерками за окном, коктейлем из тревоги и недосыпа, дергаными пробуждениями по будильнику раз в полтора часа — время уколов.

И вот теперь Яна сидит на полу, хмурое утро заглядывает в окно, беспощадно высвечивает грязный линолеум, мятый плед и растянувшееся на нем неподвижное тельце.

А ведь ветеринар предупреждал, что так будет. Говорил: усыпите лучше сразу...

— Прости меня. Моя хорошая.

Пальцы бережно гладят потускневшую шерстку, слезы бегут по щекам, капают на рыжую клетку пледа.

«Она умирала одна, пока ты спала рядом!»

Яна ощущает приближение паники, закрывает глаза, пытается удержать истерику. Спазмы сдавливают горло, мешают вздохнуть, руки дрожат, в груди что-то рвется.

В комнате за стеной хлопает дверь, Яна слышит шаги по коридору и вопли с кухни:

— Ну елки, кто опять мой завтрак съел?!

Это общага — здесь все друг у друга воруют.

Кажется, будет скандал: на кухне раздаются недовольные крики, с грохотом падает кастрюля, звенит стекло.

Яна втягивает голову в плечи. Ума лежит неподвижно. А ведь всегда боялась громких звуков...

Дверь с грохотом распахивается, с порога раздается:

— Яныч, а ты не видела...

Яна молчит, сидит на полу, чуть покачиваясь: «Не оборачивайся — все это только сон, пока не заговоришь ни с кем».

— Яночка, ты чего? Ой! Кошка все же издохла?

Кошка. Издохла.

Это выше Яниных сил. То, что сидело в груди, теперь вырывается наружу с диким криком:

— Вон пошли! Вон!!!

Подхватив с тумбочки стеклянный стакан, она запускает его в поспешно закрывающуюся дверь. Стакан попадает в косяк, осыпается вниз сотней осколков.

Крик переходит в рыдание, но не затихает. Яна кричит, захлебываясь слезами, бьет кулаками по полу.

«Теперь можно кричать — Умочка уже не боится...»

Яна ощущает подступающую дурноту, вскакивает. Ванная в конце коридора, последняя дверь направо. Она несется по коридору босиком, как была, в пижаме.

Еле успевает добежать, сгибается над раковиной.

Яну рвет, желудок словно взяли в тиски. Во рту вкус горькой желчи. Глотая слезы, поскуливая, Яна оседает на холодный кафель, бессмысленно разглядывает разбитые костяшки пальцев и бормочет:

— Умы нет. Нету больше Умы...

Ума никогда не была просто кошкой. Она была другом, членом семьи, ангелом-хранителем. С того момента, как семилетней Ясеньке положили на колени серый пищащий комок, утекло много воды.

Вяло и смазанно ползли годы в родном городке под Ростовом. Районная школа, безвкусная овсянка в столовой по утрам. Располневшая и подурневшая раньше времени мать, вечно глядящая исподлобья и словно ждущая от Яси чего-то большего. Веющая тоской пластмассовая реальность жизнерадостно рвется из старенького телевизора на кухне, надежно упрятанный в рюкзак дневник с четверками («Так и останешься на всю жизнь хорошистой?!»)

Ветки яблони, скребущие в окно, подружки, зовущие покурить за гаражи, — летом, кусачие рейтузы под юбку — зимой. Позже были еще дискотеки с одноклассниками, провонявшими паленой водкой и потом, но все это прошло как-то стороной.

Ярче запомнились старые книги из местной библиотеки. Вот они пахли как нужно: героизмом, отвагой, приключениями и неведомыми странами, в которые из Ростова точно не идет ни один поезд.

Со временем ушла в прошлое Яся, осталась Яна. По-прежнему хорошистка: русая коса, веснушки да сгрызенные ногти. Три подруги, больше на день рождения позвать некого. Книги под подушкой и мечты о большом городе. В общем-то, ничего особенного.

И все это время рядом была Ума Турман. Гладкая серая шерстка, зеленые глазища, откушенный кончик левого уха (соседский пес постарался). Выбирая ей имя, девочка Яся всего лишь отдавала дань моде: той зимой в их классе все были влюблены в Уму. Но серый попискивающий комочек воспринял все всерьез — кошка выросла отчаянной гордой красавицей.

Засыпая, Яна прижимала Уму к груди, слушала незатихающее мурлыканье. Это ей она девчонкой доверяла секреты, с ней мечтала сбежать из дома. Ума грела колени долгими зимними вечерами, с ней было не страшно идти в кладовку за картошкой.

Уехав в Питер поступать в институт, Яна думала оставить кошку дома — чтобы мама не скучала.

Осенью пришлось заселяться в общежитие вдвоем — без хозяйки Ума отказывалась от еды, чахла на глазах, не давалась в руки.

Яна усмехнулась сквозь слезы. Одному Богу ведомо, чего ей в свое время стоило уломать комендантшу.

«С животными в общежитие вход воспрещен!» — и никаких, попробуй поспорить.

Ничего, преодолели и это. В конечном итоге бутылка коньяка и коробка конфет все же решили исход дела.

Правда, подношение основательно подорвало бюджет. Яна с Умой тогда до конца месяца питались макаронами с килькой — и, кажется, были самыми счастливыми обитателями общаги.

Обнимая пушистое тельце перед сном, Яна шептала: — Мы с тобой банда, слышишь? Никому тебя не отдам!

Ума мурлыкала.

Это были хорошие пять лет.

А теперь она совсем одна. Сидит на грязном полу в пижаме. Сколько времени прошло — полчаса или весь день? Пусто в гулкой душевой, пусто в Яниной голове. Только вяло всплывает одна и та же холодная липкая мысль: «Ты должна похоронить Уму».

Как поступают в таких случаях, Яна не знала.

Когда она наконец поднялась с пола и пошла, шаркая, по длинному коридору, кругом было пусто и тихо.

Середина дня, все разошлись по делам. Зайдя в комнату, Яна торопливо оделась: натянула джинсы и свитер, стоя спиной к углу, в котором лежал плед.

На улице было пасмурно, в лицо ударил пронзительный ветер пополам с моросью. Не беда, до магазина недалеко.

«Продукты 24», в дверях, как обычно, пялится в телефон охранник, Тигран. Яна растянула губы в дежурной улыбке.

«Надо же — все как всегда. И я, как всегда, улыбаюсь, будто и не случилось ничего».

— Здравствуйте! А у вас коробки не найдется?

— Переезжаете? — охранник цыкнул, награждая Яну ответной широкой улыбкой.

— Угу,— она сглотнула.— Небольшая, вот такого размера где-то.

Показав руками примерный размер коробки, Яна заметила, что ладони дрожат. Она поспешно опустила руки.

— Ща, посмотреть надо...

Парень махнул рукой и скрылся в недрах магазинчика. Вернулся через пару минут, гордо неся слегка помятый картонный ящик из-под фруктов.

— Сойдет?

— Спасибо! — Яна перевела дух и продолжила ровным голосом: — А лопаты не найдется?

Охранник недоуменно уставился на Яну и вопрошающе всплеснул руками.

— Спасибо,— повторила она и побрела обратно, зажав под мышкой коробку.

Лопата нашлась в кладовке общежития, у комендантши. Та не стала задавать вопросов: видно, уже была наслышана.

Полчаса спустя, держа на вытянутых руках коробку и неловко зажав под мышкой лопату, Яна поджидала

электричку на продуваемом перроне — благо, от общаги до станции недалеко.

Она уже знала, куда повезет Уму.

Сид

Все же лето в Питере — дурацкая пора. Вроде июнь по календарю, а погода не шепчет.

Сид недовольно покосился на открытую форточку, сморщил нос и спрятался с головой под одеялом.

Рядом посапывала Дашка. Ощутив под боком тепло женского обнаженного тела, Сид блаженно улыбнулся и прижался к ее спине, закопался лицом в копну каштановых кудряшек.

— М-м, доброе утро,— мурлыкнула Дашка, завозившись под одеялом.

— Доброе,— Сид поцеловал девушку в ухо, чуть прикусив мочку.— Как спалось на новом месте?

Хихикнув, Дашка чмокнула Сиду в нос и широко улыбнулась:

— Как дома! Еще бы кофе кто угостил...

— Сделаем! Может, только чуть позже,— довольно хмыкнул Сид.

Приподнявшись на локте, он обнял девушку и настойчиво поцеловал ее в губы.

Полчаса спустя Сид стоял на пустой кухне, гипнотизируя кофейную турку на походной горелке.

Вообще-то, кухней это можно было назвать только с большой натяжкой. Белые стены, бетонный пол, грубо сколоченный стол-верстак да колченогий табурет скорее подошли бы студии-мастерской. В деревянном ящике на столе хранились продукты: банки с макаронами и крупами, мешочки со специями, жестянки с консервами. На подоконнике разместилась нехитрая

утварь: закопченный котелок, сковородка, пара чашек и мисок.

Женщины при виде такого быта приходили в ужас или умилялись. Сиду это льстило. «Живу походному, как Джек Лондон на Аляске» — так он пояснял.

Бросив взгляд в полутемный коридор, Сид несколько секунд задумчиво разглядывал себя в пыльном зеркале. Голый, с бритым черепом и рыжей щетиной на подбородке, поджарый, как ирландский сеттер, и такой же заводной. Татуировка на ребрах, шрамы на животе и под лопаткой — как вехи прожитых лет.

Обычно Сид себе безусловно нравился. Но этим хмурым утром в зеркале ему померещилось что-то, неприятно цепляющее. Раздражающее, как трещина на любимой чашке.

— Эй, парень, веселей! — привычно подмигнув собственному отражению, Сид отвернулся к окну.

Небо хмурилось, тополя под окном сгибались на ветру. Легкое раздражение и не думало уходить, наоборот, сменилось меланхолией и, кажется, пустило корни, грозя испортить и без того серое утро.

Что-то вертелось в голове и смутно беспокоило, мешало расслабиться. В памяти всплывали обрывки сна. Снилось какая-то гадость: гулкий пустой коридор, скучная комната, чувство безысходности, притаившееся в углу. Потом были еще хмурое северное море, мертвая сосна с побелевшими корнями, торчавшими из песка, и пронзительный ветер. Нет, не вспомнить.

Кофейная пенка зашипела, переливаясь через край турки. Крошечный огонек горелки погас, запахло газом.

— Твою мать,— зашипел Сид и кинулся спасать остатки кофе.

Дашка не спала. Сидела на краю постели, подобрав под себя ноги и укутавшись в плед. Каштановая прядь выбилась из-за уха и падала на обнаженную грудь.

— Блин, как ты так вообще живешь? — она недоуменно обвела рукой комнату.

— А, ерунда,— Сид привычно улыбнулся.— Раньше здесь и кровати не было — только палатка прямо посреди комнаты. В ней и спал.

— Ну, если матрас на полу можно назвать кроватью, то прогресс налицо! — девушка хихикнула и потянулась к Сиду.— Кофе принес? Иди сюда...

Сид поставил две дымящиеся чашки на старомодную колонку от магнитофона, служившую прикроватной тумбочкой.

Помедлил секунду и пододвинул к постели плетеное кресло. Устроился в нем, потянулся за кофе и подмигнул Дашке. Та тут же с готовностью улыбнулась в ответ. Молодая, сильная и почти красивая. Сид даже залюбовался ею.

Кофе ощутимо горчил. Отставив чашку, Сид поднял с пола пачку сигарет и закурил.

— Ну так что? Как ты дошел до жизни такой, приятель? — Дашка растянулась на кровати, грея руки о кружку.

Сид неожиданно разозлился. Формулировка показалась ему оскорбительной. Но, бросив взгляд на подругу, все же сделал над собой усилие и расслабился — слишком уж весело и тепло смотрела девушка.

— Даже не знаю, что сказать, бэби,— излюбленное его начало для этой байки.— Мама у меня была из первых хиппи.

— М-м, что ты говоришь?

Дашка тряхнула головой, отбрасывая с глаз пушистую челку.

— Помню, как-то пришел к ней,— Сид затянулся и сделал паузу,— и спрашиваю: «Мам, я дитя любви?»

— Ну? — подогнала Дашка.

— А она отвечает,— Сид улыбнулся, выдерживая паузу и наслаждаясь вниманием.— «Нет, ты дитя очень хорошего секса!»

В комнате повисло молчание, затем Дашка неуверенно прыснула.

— Н-да... — протянула она.— Истории у тебя... И что, это все из-за твоей мамы?

— Что «это все»? — не понял Сид.

Он привычно обвел взглядом комнату. Голые стены, изначально выкрашенные в белый цвет, теперь пестрели рисунками и надписями. Пол в теплых тонах удачно перекликался с резным деревянным жирафом на подоконнике. В углу громоздился мольберт.

В этой квартире прошло детство Сиды. Когда-то, очень давно, стены комнаты были оклеены обоями — впрочем, их тоже было не разглядеть из-за рисунков и плакатов рок-звезд, которых так любила его мать.

А в соседней комнате жили дедушка, военный врач на пенсии, и остроносый рыжий мальчик. Мальчик тоже, как и его мать, любил рисовать и слушать трофейные пластинки. Только вот в эту комнату его почти никогда не пускали.

Сигарета догорела до фильтра и обожгла пальцы. Сид вздрогнул и торопливым движением отправил бычок в пепельницу.

— Знаешь,— проговорил он безмятежным тоном.— А ведь ты права. Да, это все именно из-за той истории.

Помолчав, он встряхнулся и бодро хлопнул себя по коленям.

— Ну, Дашик, спасибо, что зашла! Думаю, тебе пора.

— Чего? — девушка вытаращила глаза.— То есть как «пора»? Я же еще даже не...

— Извини, бэби! — Сид уже поднялся и принялся деловито сновать по комнате, подбирая с пола ее одежду. — На работу опаздываю.

— Но... То есть, конечно, как скажешь.

Дашка начала одеваться в недоуменном молчании. Сид едва сдерживался, чтобы не начать подгонять ее.

Через десять минут, закрыв за подругой дверь, он облегченно выдохнул и прислонился спиной к стене. На тумбочке в коридоре валялся мобильный.

Сид взял его и задумчиво нашел в телефонной книжке номер. Помедлил и стер его.

Тишина в квартире давила, словно принуждая к чему-то. За окном пошел дождь.

— Соберись, парень, come on!

Сид провел рукой по лицу, заметив, что пальцы слегка дрожат. Нет, утро явно не задалось.

Если бы еще не этот дурацкий сон...

Сид неожиданно почувствовал, как накатило одиночество. Дернув щекой, он направился на кухню сооружать завтрак. До его смены оставался еще весь день.

Яна

Яна не была в этом месте почти два года, но здесь мало что изменилось. Те же безразличные ко всему волны залива, тот же ледяной ветер, сосны да песчаный пляж.

Вдалеке прогуливалась пожилая супружеская пара, других людей видно не было. Да уж, погода сегодня не летняя.

Яна без труда отыскала нужное дерево. Прекрасная раскидистая сосна, росшая немного наособицу от других деревьев, на самой границе песчаного пляжа.

Положив коробку и лопату на песок, Яна выпрямилась во весь рост и постояла с минуту без движения.